

Венера и Адонис

Автор:

Уильям Шекспир

Венера и Адонис

Уильям Шекспир

Поэма «Венера и Адонис» принесла славу Шекспиру среди образованной публики, говорят, лондонские прелестницы держали книгу под подушкой, а оксфордские студенты заучивали наизусть целые пассажи и распевали их на улицах.

Уильям Шекспир

Венера и Адонис

Vilia miretur vulgus: mihi flavus Apollo

Rocula Castalia plena ministret aqua[1 - Низким пусть тешится чернь; а мне Аполлон величавый / Сладкой кастальской струей доверху чашу наполнит (лат.).].

Высокочитимому Генри Ризли,

графу Саутгемптону, барону Тичфорду

Высокочитимый Сэр,

Боюсь, не оскорблю ли я Вашу милость, посвящая Вам эти несовершенные строки, и не осудит ли меня свет за избрание столь мощной опоры для такой легковесной ноши; но если я заслужу Ваше одобрение, то сочту это за величайшую награду и поклянусь употребить весь мой досуг, чтобы почтить Вас более достойным творением. Если же первенец моей фантазии окажется уродом, я буду устыжен, что выбрал ему столь благородного крестного отца, и никогда более не дерзну возделывать неплодородную почву, приносящую столь убогий урожай. Представляю его на Ваше милостивое рассмотрение и желаю Вашей милости благополучия и исполнения всех Ваших сердечных желаний для блага света, возлагающего на Вас великие надежды.

Всегда к услугам Вашей милости,

Уильям Шекспир

В тот час, когда в последний раз прощался

Рассвет печальный с плачущей землей,

Младой Адонис на охоту мчался:

Любовь презрел охотник удалой.

Но путь ему Венера преграждает

И таковою речью убеждает:

«О трижды милый для моих очей,

Прекраснейший из всех цветов долины,

Ты, что атласной розы розовой,

Белей и мягче шейки голубиной!

Создав тебя, природа превзошла

Все, что доселе сотворить могла.

Сойди с коня, охотник горделивый,

Доверься мне! – и тысячи услад,

Какие могут лишь в мечте счастливой

Пригрезиться, тебя вознаградят.

Сойди, присядь на мураву густую:

Тебя я заласкаю, зацелую.

Знай, пресыщенье не грозит устам

От переизбытка поцелуев жгучих,

Я им разнообразье преподам

Лобзаний – кратких, беглых и тягучих.

Пусть летний день, сияющий для нас,

В забавах этих пролетит, как час!»

Сказав, за влажную ладонь хватает

Адониса – и юношеский пот,

Дрожа от страсти, с жадностью вдыхает

И сладостной амброзией зовет.

И вдруг – желанье ей придало силы –

Рывком с коня предмет свергает милый!

Одной рукой – поводья скакуна,

Другой держа строптивца молодого,

Как уголь, жаром отдает она;

А он глядит брезгливо и сурово,

К ее посулам холоднее льда,

Весь тоже красный – только от стыда.

На сук она проворно намотала

Уздечку – такова любви прыть!

Привязан конь: недурно для начала,

Наездника осталось укротить.

Верх в этот раз ее; в короткой схватке

Она его бросает на лопатки.

И быстро опустившись рядом с ним,

Ласкает, млея, волосы и щеки;

Он злится, но лобзанием своим

Она внезапно гасит все упреки

И шепчет, прилепясь к его устам,

«Ну нет, браниться я тебе не дам!»

Он пышет гневом, а она слезами

Пожары тушит вспльчивых ланит

И сушит их своими волосами,

И ветер вздохов на него струит...

Он ищет отрезвляющее слово –

Но поцелуй все заглушает снова!

Как алчущий орел, крылом тряся

И вздрагивая зобом плотоядно,

Пока добыча не исчезнет вся,

Ее с костями пожирает жадно,

Так юношу прекрасного захлеб

Она лобзала – в шею, в щеки, в лоб.

От ласк неукротимых задыхаясь,
Он морщится с досады, сам не свой;
Она, его дыханьем упиваясь,
Сей дар зовет небесною росой,
Мечтая стать навек цветочной грядкой,
Поимой щедро этой влагой сладкой.

Точь-в-точь как в сеть попавший голубок,
Адонис наш – в объятиях Венеры;
Разгорячен борьбой, розовощек,
В ее глазах прекрасен он без меры:
Так, переполняясь ливнями, река
Бурлит и затопляет берега.

Но утоленья нет; мольбы и стоны,
Поток признаний страстных и похвал –
Все отвергает пленник раздраженный,
От гнева бледен, от смущенья ал.

Ах, как он мил, по-девичьи краснея!

Но в гневе он еще, еще милее.

Что делать в этой беде? И вот
Богиня собственной рукой клянется,
Что слез, катящих градом, не уймет
И от груди его не оторвется,
Покуда он, в уплату всех обид,

Один ей поцелуй не возвратит.

Услышав это, он насторожился,
Как боязливый селезень-нырок,
Скосил глаза – и было согласился
Ей заплатить желаемый оброк,
Но близкий жар у губ своих почуя,
Вильнул и ускользнул от поцелуя.

В пустыне путник так не ждал глотка,
Как жаждала она сей дани страстной;
Он рядом – но подмога далека,
Кругом вода – но пламя неугасно.

«О мой желанный, пощади меня!

Иль вправду ты бесчувственной кремня?

Как я тебя сейчас, меня когда-то
Молил войны неукротимый бог;
Набыча шею грубую солдата,
Рабом склонялся он у этих ног,
Униженно прося о том, что ныне
Без просьбы ты получишь у богини.

На мой алтарь он шлем свой воздевал,
Швырял свой щит и пику боевую –
И мне в угоду пел и танцевал,
Шутил, дурачился напропалую,

Смирив любовью свой свирепый нрав

И полем брани грудь мою избрав.

Так триумфатор прежде необорный

Был красотой надменной покорен;

В цепях из роз, безвольный и покорный,

Побрел за победительницей он.

Но, милый мой, не стань еще надменной,

Сразив ту, кем сражен был бог сражений.

Дай губы мне! Зачем поник твой взор?

Что он в траве так рьяно созерцает?

Вскинь голову и погляди в упор

В мои зрачки: ты видишь, как мерцает

Прекрасный образ, отраженный там?

Глаза в глаза – так и уста к устам!

Боишься целоваться ты при свете?

Зажмуримся, чтоб яркий день погас,

И ночь, скрывающая все на свете, –

Блаженной темнотой укроет нас.

Фиалки ничего не понимают,

А если и поймут, не разболтают.

Пушок незрелый над твоей губой

Как будто просит сам: прильни, отведай!

Лови же миг, отпущенный судьбой,

Не будь ни гордецом, ни привередой:

Цветы, когда весной их не сорвут,

Перестояв, увянут и сгниют.

Будь я черна, уродлива, горбата,

Как лошадь старая, изнурена,

Хриплоголоса и подслеповата,

Груба, занудлива и холодна, –

Такая бы любого отвратила.

Но чем же я тебе не угодила?

Взгляни: мой взор искрится, как слюда,

Нет ни морщинки на челе высоком;

Я, как весна, бессмертно молода,

Свежа, кругла, полна сладчайшим соком,

Моя ладошка влажная, лишь тронь,

Растает, ощутив твою ладонь.

Велишь – твой слух обворожу мечтами,

Как фея, по лужайке пробегу,

Или с распущенными волосами

Как нимфа, закружусь на берегу,

Едва касаясь муравы несмятой:

Любовь – огонь высокий и крылатый.

Смотри: головки хрупкие цветов

Мой нежный стан покоят, как подпоры,

И без усилья пара голубков

Влечет меня в небесные просторы;

Любовь легка, когда ей путь открыт:

Так что тебя, мой милый, тяготит?

Иль собственной пленен ты красотой,

Всем жертвуешь, одну ее любя?

Ну что ж! Ухаживай сам за собою,

Чаруй себя и отвергай себя;

Умри от страсти, как Нарцисс несчастный,

Увидевший в ручье свой лик прекрасный.

Богатства существуют для даров,

Деревья сада для плодоношенья,

Изысканные яства для пиров,

Самовлюбленность – это поношенье

Любви; ты факел – так изволь светить,

Ты был зачат – продли зачатий нить!

Как смеешь ты вкушать дары природы,

Коль сам не хочешь приносить плодов?

Погибнет семя, но родятся всходы –

Закон всеобщий бытия таков.

Пусть красоту твою замкнет надгробье:

Ты предаешь векам свое подобье».

Меж тем Венеру прошибает пот:

Исчезла тень, и воздух раскалился,
Титана взор с пылающих высот
На прелести богини обратился;
Он бы прилег охотно рядом с ней,
Адонису отдал своих коней.

А что же наш охотник? Туча тучей,
Он темную насупливает бровь
И, рот кривя усмешкою колючей,
Цедит с досадой: «Хватит про любовь!
Пусти, – мне зноем обжигает щеки;
Невозмогу лежать на солнцепеке».

«О горе мне! Так юн и так жесток!
Меня покинуть ищешь ты предлога.
Я вздохами навею ветерок
На этот лоб – о не гляди так строго! –
И осеню шатром своих волос,
И окроплю прохладой свежих слез.

Я тенью собственной тебя укрою,
Преградой стану между двух огней;
Не так небесный луч томит жарою,
Как близкий жар твоих земных очей.
Меня б спалил, будь я простою смертной,
Двух этих солнц огонь немилосердный!

Зачем ты неподатлив, как металл,
Как мрамор, горд бездушной белизною?
Ужель ты мук любви не испытал?
Да женщиной ли ты рожден земною?
Когда бы так она была тверда,
Ты вовсе б не родился никогда.

Молю, не для невыносимых пыток,
Одно лобзанье, милый, мне даруй.
Какой от губ моих – твоим убыток?
Ответь мне – или сразу поцелуй:
С лихвой я возвращу тебе подарок,
И каждый поцелуй мой будет жарок!

Не хочешь? Ах ты, каменный болван!
Безжизненная, хладная статуя!
Раскрашенный, но мертвый истукан!
Ты не мужчина, раз от поцелуя
Бежишь, – в тебе мужского только вид:
Мужчина от объятий не бежит!»

Излила гнев – и будто онемела,
Грудь стеснена, окостенел язык;
Она других любовь судить умела,
Но в тяжбе собственной зашла в тупик:
И плачет от бессилия, и стонет,

И речь невнятная в рыданиях тонет.

То льнет к нему умильно, как дитя,

То сердится, то за руку хватает,

И, пальцы с пальцами переплетя,

Удерживает и не отпускает;

То взор отводит, то глядит в глаза –

И шепчет, обвивая как лоза:

«Любимый мой! в урочище весеннем,

За крепкую оградой этих рук

Броди где хочешь, будь моим оленем,

Я буду лесом, шепчущим вокруг;

Питайся губ моих прохладной мятой,

Пресытишься – есть ниже край богатый:

Там родинки на всхолмиях крутых

И влажные ложбины между всхолмий,

Там ты в чащобах темных и глухих

Укроешься от всех штормов и молний;

Нигде не встретишь хищного следа,

Пусть лают псы – им входа нет сюда!»

Адонис рассмеялся – и тотчас

Две ямки на ланитах проступили:

Их вырыл Купидон, чтоб в смертный час

В сей нежной упокоиться могиле;

Хитрец предвидел: не погибнет он,
Но будет вновь любовью воскрешен.

Две этих ямки пропастью бездонной
Разверзлись пред Венерой. Мрак и тьма!

Как ей хватило духу, оскорбленной,
Снести удар и не сойти с ума?

О, как могла она, любви царица,
В спесивца бессердечного влюбиться?

Но что теперь ей делать, чем помочь?
Слов больше нет, и ожидания тщетны.

Из плена рук ее он рвется прочь,
Моленья остаются безответны.

«О, смилуйся, не покидай меня!» –

Но он уж мчится отвязать коня.

Но что это? Испанская кобылка

Из ближней рощи, празднуя весну,

С призывным ржаньем, всхрапывая пылко,

К Адонисову мчится скакуну;

И конь могучий, зову не противясь,

Спешит навстречу, обрывая привязь.

Плечами он поводит, властно ржет –

И прочь летят пеньковые подпруги,

Копытом острым Землю бьет в живот,

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Низким пусть тешится чернь; а мне Аполлон величавый / Сладкой кастальской струей доверху чашу наполнит (лат.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/uilyam-shekspir/venera-i-adonis>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)